

*Книга жизней.
И карта выбранных дорог*

Часть первая

Светлана Демешина

Светлана Демешина

Книга жизней. И карта

выбранных дорог

<https://litres.ru/74160323>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая девушка попадая в ряд необъяснимых событий из отличницы у которой все под контролем, каждая минута запланирована и жизнь расписана на годы вперед, попадает в водоворот обстоятельств, который координально меняет ее жизнь и учит жить по-новому. Теперь у нее нет плана даже на сегодняшний день.

Содержание

Светлана Мироновна Демёшина	4
Часть первая.	5
Содержание	6
Глава первая.	7
Другой мир.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Светлана Демешина
Книга жизней. И карта
выбранных дорог

Светлана Мироновна Демёшина

Часть первая.

Содержание

Глава первая

Другой мир

Глава вторая

Пирожки и пёс

Глава третья

Курьер не по адресу

Глава четвёртая

Бабуля

Глава пятая

Тайный друг

Глава шестая

Сливочное масло

Глава седьмая

Две книги по цене одной

Глава восьмая

Вдохни ароматный цветок

Глава девятая

Убежище

Глава десятая

Мы месте

Глава первая.

Другой мир.

Ливень, сильный ветер и жуткий страх. Я боюсь сделать шаг. Всего один шаг — и всё переменится в один миг! Но я так боюсь ошибиться.

Я же поставила всю свою жизнь под удар, и сейчас мне просто нужно сделать шаг, и всё закончится. Всё изменится раз и навсегда. По крайней мере, я так думала. Каждая новая мысль приводила меня в ещё большее замешательство. Я так хотела почувствовать правильный выбор, но, увы. Под тяжестью собственного страха я не чувствовала ничего. А мне всего лишь нужно сделать шаг, и всё, но нет — это буду не я, если не измучаю себя, терзая сомнениями. Мне казалось, я стою так уже целую вечность, и я точно знаю, что не сдвинусь с места никогда, я так и не выберу дорогу, по которой пойду в свою новую жизнь. Смирившись со своим положением, я начала расслабляться и почувствовала дикий холод. Губы посинели, и меня всю трясло. Уже смирившись со своей гибелью на этом перекрестке, я заметила вдалеке вывеску: «Сегодня можно».

О-о-о, это вы зря?! Теперь я не могла больше ни о чем

думать, кроме этой вывески. Что можно? Кому можно? Почему здесь? И почему сейчас?

Я уже не чувствовала холода, так как находилась под властью собственного любопытства. Опомнилась я уже, когда бежала по дороге к этой чертовой вывеске. Я согрелась, на щеках появился румянец, и общее самочувствие в целом изменилось. Мой интерес затмил все мои сомнения и страхи, он пробудил во мне желание не выбирать, а просто отдаться этому несносному порыву.

Добежав до места, я не увидела ничего: вывеска исчезла. Я была в ярости. «Что? — сказала я. — Вы это серьезно?

Что вы хотели этим сказать? Поймали меня, как кошку?» Но нет, я так просто не сдамся. Я найду эту чёртову вывеску, и вы мне объясните, что всё это значит.

Я не заметила, как бегу по дороге обратно к перекрёстку. «Что я делаю?» — на миг опомнилась я. Кто управляет моим телом? Один вздох, и я уже стою снова на том самом перекрестке в поисках таблички. И снова она засветилась, но надпись изменилась: «Ты сменила вектор».

Проделав тот же манёвр, я поняла, что, покидая перекресток, вывеска исчезает, а возвращаясь — меняется. И так у меня уже было несколько фраз.

Сегодня можно

Смена вектора

Путь предопределён

Живи нейтрально

И, наконец, я выдохлась. Усевшись посреди дороги, я громко рассмеялась.

Ну надо же, я совершенно позабыла, что тут делала. Как же легко вы переключили моё внимание! Как же просто оказалось меня увлечь. Неужели я так предсказуема? Не думаю.

Просидев на перекрёстке несколько часов, я заметила, что нет машин, совсем. За всё это время не проехала ни одна машина и не пролетела ни одна птица. Что происходит? Я напряглась и начала замечать, что что-то тут не так. Где я?

Что это за место?

Поднявшись, я пошла искать хоть какие-то следы жизни. По дороге ни одной живой души, вообще. Ни букашки, ни таракашки. Мой взгляд поймал вдалеке какое-то движение, и я побежала в ту сторону.

Хоть бы это были люди, подумала я. Но ни тут-то было. Оказалось — это игра света.

Ощущение одиночества и тоски нахлынуло на меня. Словно больше никого нет в этом мире. Словно я одна и больше никого. От этого осознания мне стало очень грустно и тоскливо. Я сразу вспомнила про маму и папу. Как там они? Я так давно их не видела и не звонила им. Я вечно чем-то была занята, какой-то ерундой. Как же я хочу обнять своих родителей, узнать, как они. Именно сейчас я поняла, насколько пуста моя жизнь. В ней нет ничего ценного, одна мишура. Как же я так жила? Совершенно не понимая, что я делаю и для чего.

У меня на всё был один ответ: «Все так живут».

И вот я в непонятном месте, совершенно одна, иду и размышляю о своей жизни.

Что же я сделала хорошего в этой жизни?

Так я стала вспоминать и перечислять свои достижения:

1. Школа с золотой медалью — ох, чего же мне это стоило...

2. Мучительные полгода ухода за животными в приюте; как же я ненавидела всё это, но так было нужно.

3. Волонтёрство — везде, где только можно.

4. Ещё пару месяцев помощи детям в больнице: развлекать этих мелких засранцев — та ещё задачка.

И тут я почувствовала жуткую тошноту, и меня вырвало.

Откуда во мне столько жидкости? — подумала я, посмотрев на неприятную массу на траве.

Бе, как же это мерзко.

Больше о своих подвигах я думать не хотела.

Пройдя ещё метров пятьсот, я заметила огоньки вдалеке. Моей радости не было предела.

«Ура, я наконец-то поем», — вырвалось у меня.

И с этими мыслями я ускорила шаг.

Чем ближе я приближалась к огонькам, тем больше меня одолевали сомнения, что это всё-таки огоньки. Подойдя поближе и рассмотрев источник огней, я резко развернулась и дала дёру. Бежала я так, как никогда не бегала раньше. Я вообще не знала, что на такое способна. Поняв, что я уже до-

волью далеко, остановилась, чтобы перевести дух. Оборачиваться мне не хотелось. Отдышавшись, я побежала дальше. Когда силы меня покинули, я наконец остановилась. Огляделась по сторонам и не поверила своим глазам: я снова очутилась на том самом перекрестке.

Но как это возможно? Тут что-то совершенно не так. Мой интерес возрастал с каждой минутой. Я всё время возвращаюсь на этот перекресток, но почему и для чего? Решив проверить ещё одну теорию, я пошла в противоположную сторону. Но теперь я не была так наивна. Я чётко понимала, что ничего хорошего меня не ждёт впереди, судя по тому, что я тут видела. Эти дьявольские глаза, вселяющие ужас... Бррр, нет, больше я не пойду на свет, подумала я, и мороз пробежался по коже. Странно, почему это чудище не понеслось за мной? Оно ведь явно намеревалось меня съесть. Уж я-то знаю, как это бывает в мире хищников: или ты, или тебя. Стоило мне чуть замешкать — и у кого-то был бы вкусный ужин.

Дорога, по которой я шла, постепенно превращалась в тропинку, а потом и вовсе пропала. Обернувшись, я и сзади не заметила собственных следов. —

Ну и куда мне идти дальше? — сказала я вслух.

И тут же на моём пути из земли стали вырастать ступени. Помешкав немного, я решила, что терять мне нечего: позади голодное чудище, впереди — неизвестно что. С удивительным безразличием я наступила на первую ступень и не по-

чувствовала её. Моя нога начала куда-то проваливаться. За ней потянулась и вторая нога без моего согласия. Ноги стали затягивать меня в желеобразную массу.

«Может, это сон?» — подумала я.

Да, однозначно сон, — убеждала я себя во время этого странного перемещения.

Почувствовав твёрдую поверхность ступнями, я облегчённо вздохнула. Только пошевелиться не могла.

— Сюрпризы не заканчиваются! — выкрикнула я в сердцах. — Что с моими ногами? Почему я не могу пошевелиться? Но и не падаю при этом, значит, их не парализовало.

Пора мне менять тактику. Надо быть более предусмотрительной. А с другой стороны, какова вероятность, что ступени могут нести опасность? Вот глупость-то какая! «Ладно, пора отсюда выбираться», — выдохнув, уверенным голосом произнесла я. И тут же мои ноги освободились.

«Чудесно!» — воскликнула я и с радостью, как ребенок, запрыгала на месте.

Осмотревшись по сторонам, я обнаружила за своей спиной сундук. Он был просто огромный. Я спокойно могла в него лечь и выпрямить ноги.

«Вот это кровать», — подумала я с усмешкой. Но чей он? И для чего здесь стоит? Если сундук такой огромный, то какого размера его владелец?

На меня нахлынуло беспокойство от воспоминаний о

недавних событиях. Мне хотелось убраться подальше от сундука, но не тут-то было. В радиусе 10 метров был невидимый барьер. Я оказалась в ловушке. Я и сундук — вот так соседство! И в чём смысл всего этого? Что мне теперь делать?

Звук... я слышу звук — это первый звук в этом странном месте. Воодушевившись, я подбежала к сундуку и начала прислушиваться. Там явно что-то шевелилось.

Как мне открыть сундук? Он же громадный. Кто-то стоял, и звук явно шёл из сундука.

Я постучала, в ответ — тишина, и стон прекратился.

— Эй, ты там? — крикнула я.

В ответ — тишина.

Усталость пересилила любопытство, и я села, оперевшись спиной о сундук, но внезапно кувыркнулась назад. Я куда-то упала. Темно, ничего не видно. Руками с опаской прошупываю поверхность, на которой лежу, и от ужаса меня облило холодным потом. Похоже, я очутилась в сундуке. Я нащупала что-то. Но что это? В темноте моя фантазия и страх разыгрались, и мне почудился монстр, от которого я сегодня спасалась бегством. И что мне теперь делать? И где я вообще?

— Ты очень громко думаешь, — голос прошептал из темноты.

— Кто ты? Что это за место? Меня съедят? Я чей-то ужин? Ответь мне немедленно!

— Сколько шума и ненужных слов, ненужных мыслей, ненужных действий, — ответил голос из темноты.

— Ты человек? — спросила я более спокойно.

— Первый нормальный вопрос, — произнес голос совсем близко. — Ты вообще думаешь перед тем, как задавать вопросы? Или слова сами вылетают из твоего рта?

Вы, люди, совершенно не умеете разговаривать. И используете свой рот как помойку. А ведь ваша речь имеет волшебную силу. Слова, проходя через гортань, закручиваются в энергетические вихри и проецируют весь ваш внутренний мир в слова. Так слова наделяются силой, целебной силой. Слова, вылетающие просто так, считаются мусором и засоряют гортань.

Так что каждое слово имеет вес и силу в зависимости от того, кто говорит, как говорит и что говорит. И намерение говорящего тоже имеет вес. —

Понимаешь, о чем я? — спросил меня голос.

Я ничегошеньки не поняла. Ты вообще о чем? Да и кто ты такой? Покажись!

И тут передо мной проявился кто-то, отдаленно походивший на человека с головой быка. Вид у него был добродушный и грозный одновременно. Он был одет в человеческую одежду.

— Кто ты? — спросила я снова.

Он обошел меня вокруг несколько раз и заговорщическим тоном произнес:

— Я тот, чье имя не называют. Но тебе я скажу.

И он как заорёт мне на ухо со всей дури:

— Я есть ветер, вода, воздух и огонь. Я — хранитель баланса. Я тот, кто прокладывает путь таким, как ты.

— Таким, как я? Что это значит? — спросила я.

— Опять вопросы. Я ведь тебе и так рассказываю, а ты перебиваешь, чтобы спросить о том же. В чем смысл твоих действий?

Я смутилась в очередной раз от своей глупости. А ведь я считала себя достаточно грамотной и воспитанной, но только не сегодня.

— Прости, — по-отечески произнес он. — Мне нужно было проверить твою реакцию.

На этот раз я сдержалась и промолчала.

— Меня зовут Измаил. Я твой наставник и проводник в этом мире.

Я прикусила язык, чтобы не посыпались вопросы. Измаил наблюдал за мной, и мне казалось, что он читает мои мысли и вообще видит меня насквозь.

«Почему он не спросил мое имя?» — подумала я.

На что Измаил ответил:

— Я знаю все твои имена и нынешнее тоже. Ты — Луна.

«Он точно читает мысли», — подумала я. «И что он имел в виду, говоря «все мои имена»?

— В голове у тебя такая же мусорка, как и в горле, — заявил Измаил. — Много работы нам с тобой предстоит! — воскликнул он и побежал куда-то в темноту.

И только сейчас я поняла, что видела его и себя, а ведь

вокруг крошечная темнота. Как только я потеряла его из виду, снова стало темно, я не видела даже своих рук.

Когда Исмаил вернулся, в руках у него был сундук, точно такой же, как тот огромный.

Исмаил протянул мне сундук и с чувством промолвил:

— Теперь он твой. Береги его как собственную жизнь. Никому не давай и не показывай. Кто бы что тебе ни предлагал, даже ценой собственной жизни. Запомни мои слова. Любой ценой сохрани сундук.

Я было потянулась за сундуком, затем резко остановилась и произнесла:

«Стоп! Что значит «любой ценой»? Ты можешь оставить его себе. Для меня он не представляет никакой ценности».

Исмаил улыбнулся и положил сундук себе в карман со словами:

«Да будет так».

Я села, мои ноги ныли от усталости. На ногах я целую вечность, так мне казалось. Тело начало тяжелеть. Я легла. Веки закрылись против моей воли. Исмаил произнёс:

«Не бойся. Ты в безопасности, пока я рядом».

Услышав где-то вдалеке его слова, я провалилась в пустоту и полетела вниз. Я чётко ощущала падение вниз.

Открыв глаза, я обнаружила, что сижу в кресле. Это было самое удобное и удивительное кресло. Я просто растеклась по нему с огромным удовольствием, расслабляясь в каждой клеточке собственного тела.

Мои силы стали возвращаться. Довольно быстро я пришла в себя и почувствовала желание встать и походить. Но подняться с кресла у меня так и не получилось. Тело не реагировало на мои команды. Даже век я не чувствовала. И говорить я не могла.

«И что будет дальше?» — подумала я. И тут же услышала ответ где-то издалека. Это был очень знакомый голос, только я не могла вспомнить, чей.

«Ты можешь встать, но не желаешь этого делать, поэтому тебе кажется, что не можешь. Несогласованность мыслей и чувств. Этот конфликт перерастает в войну. И тот, кто берёт верх, подавляет противника. Победитель контролирует все действия и бездействия. Но проигравший не дремлет, он саботирует внутренние процессы и любыми способами старается достучаться до тебя. И как следствие — неспособность двигаться. Ум говорит: «Сиди, тут же хорошо, безопасно, мягко, уютно». А разум пытается вытолкнуть тебя из этого кресла, подталкивая изнутри».

— Луна, что ты сейчас чувствуешь?

— Не знаю, — задумчиво ответила я.

— А если не задумываться, то что? — спросил Измаил.

— Боль, сильную боль в области лопаток, — прошептала я.

Измаил воскликнул: «Вот, уже начинаешь себя чувствовать. Прекрасно!»

Теперь попробуй пошевелить пальцами ног и рук. Давай,

давай, почувствуй их. Выключи ум и просто почувствуй своё тело. Представь, что ты со своим телом ведёшь диалог. Поговори с ним.

Я вытаращила глаза: что значит «поговори с телом»? Он вообще в своём уме? И я тут же смутилась, ведь Измаил меня слышит.

Вот дурында, не могу себя сдержать. Прекратив само копание, я переключилась на слова Измаила и попробовала сделать так, как он мне говорил.

Я прислушалась к себе, поочерёдно посылая сигнал на пальцы ног и рук, но тщетно. Подышав, успокоившись, я снова послала импульс, а в ответ тишина.

Измаил тихо прошептал:

«Твоё тело — не автомобиль, твоё тело — это храм. Попробуй отнестись к нему с любовью и пониманием. Просто почувствуй его, отпусти все мысли и просто почувствуй его».

— Ааа, я понял! — воскликнул Измаил. — Я понял, в чём дело. Давай по-другому. Скажи мне: что ты любишь в себе, в своём теле?

Подумав некоторое время, я начала перечислять.

— Ууууу, а мне нечего сказать, — грустно прошептала я. — Тело как тело, чего от него ждать? Оно ленивое, вечно голодное и уставшее: отёки, прыщи и много чего ещё.

И тут можно продолжать до бесконечности. С горечью вздохнув, я замолчала.

Измаил улыбнулся и сказал, что мой вариант даже лучше.

И теперь он видит суть проблемы. У меня столько претензий к себе, что я просто не способна себя услышать. Я отрастила себе броню из претензий, за которой скрывается хрупкая, нежная и чувственная натура. И чтобы почувствовать себя, мне предстоит пройти определённый путь.

— Кресло — это просто пример. Луна, ты скоро сможешь встать! — произнёс Измаил, отвечая на мои мысли.

Через пару минут я спокойно встала с кресла и тут же упала, ударившись подбородком о пол.

— Ты издеваешься?! — выкрикнула я от досады.

— Ничуть, — спокойным тоном произнёс Измаил.

— Нам пора идти, — сказал он и быстрым шагом стал удаляться.

Я, боясь потерять его из виду, собрала все свои силы, поднялась и побежала следом.

Догнать его было непросто: чем больше я ускорялась, тем быстрее он отдалялся. Я замедлилась, еле волоча ноги от усталости. И произошло чудо — Измаил тоже замедлился. Чем медленнее я шла, тем меньше становился разрыв между нами. Кажется, я стала понимать эту игру, и она мне начала нравиться.

«Ну ладно, — подумала я, — допустим, выключу контроль, хоть это и непросто, и стану просто играть, как в детстве». Я очень любила играть ребёнком. Тогда я вообще ни о чём особо не думала. Действовала из состояния «хочу» или «не хочу».

Я даже не заметила, как врезалась в спину Измаилу, и отскочила от удивления. Он обернулся, и мы расхохотались.

Этот момент я не забуду никогда: чистый, непринуждённый смех. Мы просто хохотали, искренне, с открытым сердцем. И тут я поняла, что так смеялась только маленькой, совсем маленькой девочкой. И я давно позабыла, как это. И тут я расплакалась: чувства, нахлынувшие на меня, рвались наружу мощным потоком.

Тело содрогалось от рыданий, я не могла остановиться. Я редела, пока моё тело не обессилело. Пара всхлипов, и меня наконец отпустило. Я выдохнула и посмотрела вопросительно на Измаила.

— Ты проходишь этап очищения, — произнёс он. — И довольно быстро.

Вы, люди, всегда избегаете сложностей, ищите, где попроще, где помягче, где всё понятно и известно. Новые пути совсем не хотите прокладывать. Вам проще плестись за кем-то, чем желать свои новые, неизведанные пути. —

Что значит «неизведанные пути»? — поинтересовалась я.

На этот раз Измаил ответил без критики, спокойно, потечески заботливо.

— Путь — это самое ценное для человека. От самого рождения и до самой смерти. Идти своим путём — значит идти по зову сердца. Первые препятствия — это ваши родители: они, желая вам всего самого лучшего, начинают примерять на вас свои ожидания, тем самым меняя ваше направление.

Затем ваши друзья, кумиры, да и в целом весь социум. Каждый из них влияет на твои решения и выбор. И к двадцати годам ты хочешь чего угодно, только не того, что хочешь сама. Твой внутренний голос давно охрип, а внешний шум всё сильнее и сильнее навязывает чужие дороги. Это может быть наслоение нескольких дорог. Чем больше чужих желаний, тем сложнее найти свою собственную тропу.

И только когда ты отыщешь свою тропу и начнёшь протаптывать её, твоя жизнь заиграет совершенно другими красками. Каждая тропа превращается в дорогу, и по ней уже идут другие — те, кто не способен или не желает отыскать и протоптать свою тропу.

Чем больше людей идут по одной дороге, тем скучнее и тусклее их жизнь.

Каждая новая дорога полна идей, энергии, возможностей и вариаций. Это огромное поле возможностей.

— Я ответил на твой вопрос? — спросил Измаил.

— Да, — задумчиво сказала я.

Вернувшись в реальность из глубин своих мыслей, я обнаружила, что стою на краю обрыва, пошатываясь из стороны в сторону. От испуга мои ноги подкосились и стали ватными. Я боялась дышать. О том, чтобы обернуться назад или по сторонам, не было и речи. Я стояла как вкопанная.

Постепенно я замедлила дыхание. Затем успокоила свой ум и приступила к размышлению, спокойному и умеренному.

Я помню, что тут не работают привычные мне законы, и, возможно, я напрасно так испугалась и мне ничего не угрожает. Ведь какой тогда смысл во всех предыдущих действиях?

Расслабившись окончательно, я смогла обернуться и посмотреть по сторонам. Исмаила нигде не было видно. И тут меня осенило: а почему я вообще стою на краю обрыва и не делаю простой шаг назад? Тут же я шагнула назад и отошла от края.

Да что со мной не так? Ведь это же элементарно, а я стояла, скованная страхом.

— Это не страх, — произнес Исмаил откуда-то издалека. — Это боль. Боль от того, что ты не контролируешь происходящее. Боль от того, что мир стал непонятен для тебя.

Сейчас ты переживаешь колоссальные нагрузки, не находя объяснения происходящему. Ты пытаешься объяснить всё умом, а ум тут бессилен. И все твои внутренние переживания приобретают новый смысл. Теперь ум терпит поражение, он теряет контроль и в панике пытается использовать все резервные источники. Ум долго властвовал в теле и подчинил то, что ему не принадлежит. Конечно, он не готов так просто сдаваться и отдавать свою власть. Накатывающие чувства понимают, что у них есть шансы на победу. Идёт битва на закрепление новых паттернов. Чем дольше ты сможешь удерживать чувственное состояние, тем быстрее тело привыкнет функционировать самостоятельно, минуя ум.

— Я слышу твой вопрос, Луна! — произнёс Измаил.

Удерживать чувственное состояние можно несколькими способами.

Самый благоприятный — это вспоминать как можно чаще самые радостные моменты из жизни. Они у тебя есть, поверь, и очень много. Просто ум их блокирует: ему важно удержать контроль, а радость побуждает человека быть непредсказуемым, спонтанным, лёгким и чувственным.

Второй способ — это обзавестись привычкой не смотреть на людей с осуждением. Он уже посложнее, но более эффективный. Каждый осуждающий взгляд побуждает человека на внутренние терзания. Подключается ум и начинает подливать масло в огонь. Чем больше осуждений во внешний мир, тем больше внутренняя боль, и тут уже не до радости. Чувства страдают и уходят ещё глубже, а ум празднует очередную победу.

— Ладно, — промолвила я, — допустим. А что, если просто не слушать ум? По крайней мере, попытаться. Можно музыку слушать, фильмы смотреть. Это очень отвлекает от мыслемешалки.

— На время это сработает, — сказал Измаил. — Но ум подчинил себе весь организм, он управляет всеми процессами в теле. И что первое сделает ум? Конечно, попытается выключить то, что ему угрожает. Фильмы станут скучными через какое-то время, музыка надоест. Замечала такое, Луна? —

Да, — сказала я, — периодически со мной такое происходит.

Продолжил скалам Измаил, убирая свою руку с моего лба. Я даже не поняла, как она там оказалась.

Резкая боль пронзила виски, и я упала на колени, обхватив голову руками. Боль была нестерпимая и блуждающая. Я покачивалась, чтобы хоть чуть-чуть отвлечься, но это совсем не помогало. Я попыталась произнести хоть слово, но не могла — речь пропала.

Не знаю, сколько времени я так просидела на коленях, — да это было и не важно в данный момент. Меня мучил вопрос, крутившийся постоянно у меня в голове: сколько боли нужно выдержать человеку, чтобы увидеть свою бестолковую жизнь?

Тогда, стоя на перекрёстке, я была не способна принять решение и сделать выбор, считая, что любой вариант просто ужасен и неприемлем для меня. Как же я тогда заблуждалась. Высокомерие и гордыня не позволяли мне увидеть всю картину происходящего целиком.

Отличница, всегда первая, всегда лучшая — из этих установок состояла моя жизнь. Только так и никак иначе. О проигрыше или о втором месте не могло быть и речи.

В тот роковой вечер я возвращалась домой с работы. Новая должность вскружила мне голову. Поздравления, комплименты, восхищенные взгляды и море лестных слов. От бурных эмоций я совершенно не готова была вести машину,

да и погода была прекрасная. Решение пришло спонтанно: я иду пешком. Раньше я так никогда не делала. По натуре очень осторожная, рассудительная и контролирующая каждое своё действие. И вот я иду по тёмной улице, а вокруг ни души. В какой-то момент я пожалела о своём решении и, уже намереваясь вернуться обратно к машине, услышала крик. Я подпрыгнула от неожиданности и страха. Крик доносился из-за канализационной решетки в асфальте. Пронзительный и полный отчаяния крик.

Успокоившись, я немного наклонилась и прислушалась. Теперь крик перешёл в рычание. И если кто-то подумал, что мною двигало чувство сострадания в этот момент, то нет — это было любопытство, да и только. Единственное, чем меня можно подкупить.

И вот я уже лежу на асфальте, моё ухо прижато к решетке, и я жду, но звук пропал. Раздосадованная, я встала и пошла дальше в направлении дома. Жила я недалеко от работы, но всегда ездила на машине, считая своё время бесценным. Ведь быть первой не так-то просто.

Что это был за рык? И куда он исчез?

С этими мыслями я и не заметила, как подошла к своему подъезду, но что-то останавливало меня. Домой совсем не хотелось.

«Что происходит?» — подумала я. Со мной сегодня творится что-то неладное: нелогичные решения и безрассудные действия. Теперь я не хочу домой. И что я тут буду делать?

На улице, в темноте?

Из подъезда вышел мужчина и прервал мои размышления. Он остановился рядом со мной, развернулся в сторону подъезда и вопросительно прошептал:

— Что, не охота домой? Понимаю. Сам такой же. Я вошёл в подъезд, а в квартиру подняться не смог.

— Что, простите? — Я раскрыла рот от изумления. — Вы это мне?

— А кому же ещё? — ответил мужчина, озираясь по сторонам со словами: — Тут кроме нас больше никого нет.

Я усмехнулась от своей глупости.

«Луна, держи лицо, ты же на людях», — подумала я.

Расправив плечи, я пошла в подъезд. Такая компания мне была не по нраву, и я решила удалиться.

Мужчина меня окликнул:

— Луна, нам нужно поговорить.

— Вы меня знаете? — удивлённо спросила я.

— Да, и мне есть что тебе рассказать.

Мы сели на лавочку около подъезда. Предчувствие было не очень, а оно меня никогда не подводит. Но как всегда, я не смогла устоять перед своим любопытством.

— Излагайте, — произнесла я надменно.

Это моя любимая маска, за ней я как за каменной стеной.

В ответ мужчина улыбнулся очень мягко, чем смутил меня, и маска спала. Разозлившись на себя, я снова натянула свою маску со словами:

— Сколько ещё я буду ждать?

Мужчина вздохнул и начал своё повествование. С первых его слов я пожалела, что не вошла в подъезд.

— Луна, что ты помнишь из своего детства?

— На вопросы я отвечать не намерена. Если вам больше нечего сказать, тогда до свидания!

Хорошо, я понял, никаких вопросов!

Я тебя очень давно знаю и приглядываю за тобой. Намерения вмешиваться в твою жизнь у меня не было. Я просто хотел знать, что с тобой всё в порядке.

Но ты катишься в пропасть. Твоя жизнь утратила ценность. Ты становишься бездушной машиной для убийств.

Я хотела было встать и уйти, но это чертово любопытство не давало мне этого сделать.

То, что я здесь сижу и разговариваю с тобой — это крайняя мера. Пойми, по-другому никак тебя не спасти. Просто запомни мои слова. Всё, что с тобой будет дальше происходить — для твоего же блага и из любви к тебе. Итак, Луна, тебя на самом деле зовут Ева.

И ты совершенно о себе ничего не знаешь. Твои родители — приёмные.

У меня всё поплыло перед глазами. Этого не может быть.

Мои самые важные люди в жизни обманывали меня. Ведь я всё делала для них. Все мои успехи — для них. И что теперь получается? Вся моя жизнь не имеет никакой ценности.

— Ева, дай я продолжу. Мне ещё очень много всего нужно

сказать, а времени мало.

Тебя удочерили совсем крошкой. Ты ещё не ходила.

Твои приемные родители — хорошие люди, и они очень тебя любят. А не сказали тебе правду только потому, что это было условием удочерения.

Ты росла непростым ребенком. Сильно отличалась от других детей. И это было проблемой. Пришлось немного с тобой поработать, чтобы ты не сильно выбивалась из общей массы. — Но видимо, мы перестарались, — со вздохом произнес мужчина.

— А как тебя зовут? — вдруг опомнилась я.

— Это не важно.

— Ева, время, у нас его очень мало.

Родителям тебе пришлось прививать и взращивать лидерские качества. Это самые гнусные и отвратительные из всех качеств. Их обладатели ни перед чем не остановятся ради своей цели. Но выбора у нас не было. Надеюсь, ты когда-нибудь это поймешь.

Твои родители — самые добрые люди на свете, но им тоже пришлось несладко тебя растить. У них были четкие инструкции, как тебя воспитывать и в каком ключе. Все твои достижения были сфабрикованы. Так было нужно, чтобы твоя гордыня и высокомерие зашкаливали. И заодно это отпугивало от тебя людей.

— Да, — ответила я.

— Тут вы уж постарались.

«В одиночестве я эксперт», — холодно заявила я.

Ева, и твоя работа — это тоже фарс. Мы тебя двигали в определенном направлении, но сегодня поняли, что мы лишаем тебя сердца. Оно у тебя скоро умрёт навсегда. Но время ещё есть, чтобы что-то сделать. — Мы можем попробовать! У нас может получиться! И наша сегодняшняя проверка это подтвердила.

— Какая проверка? — спросила я.

— Тот рык из канализации, тобой двигало только любопытство. В тот момент я ужаснулся. Что же мы наделали? Мы так хотели тебя защитить и в итоге чуть не убили в тебе всё живое.

Ева, тебе придётся сделать выбор, по какой из дорог идти. Заставить тебя никто не может. Решение должно быть твоё. Дорог всего две. Ты останешься в своей нынешней жизни и лишаешься сердца или полностью меняешь свою жизнь.

Предупрежу сразу, менять жизнь намного сложнее, чем ты можешь себе представить. Это путь. И никто не знает, когда и как ты сможешь измениться. Это новый путь, который ты можешь проложить.

— Так себе перспективы, — заявила я ехидно. — Моя жизнь закончена, ты всё разрушил. Родители фальшивые, достижения фальшивые, работа — и та фальшивая.

А второй вариант, вообще не пойми что. Полная неизвестность и бессмысленность всего, что я до этого делала.

— Времени больше нет, — шёпотом произнёс мужчина и

исчез со словами:

— Ева, прости нас, мы хотели тебя защитить.

Я поплелась в подъезд, сил не было. Открыв дверь в квартиру, я прошла не раздеваясь в спальню и завалилась на кровать в надежде, что всё это сон.

Уснула я быстро.

Проснулась от резкого удара ногами об асфальт.

Где я? — спросила вслух сама у себя.

Перекрёсток, и на асфальте ярко-жёлтой краской нарисованы стрелки двух дорог. Я тут же вспомнила вчерашний вечер и две дороги.

— Я не буду ничего выбирать!

— выкрикнула я, подняв голову в небо.

— Вы меня не заставите! — И я расплакалась.

Стоя на коленях в тисках собственной боли, я только сейчас поняла, что выбор дороги был очевиден. И тут вообще нечего выбирать и не о чем думать. Конечно, я хочу перемен.

Я крикнула мысленно:

«Я выбираю второй путь! Я хочу пройти собственным путём!» И мне не важно, сколько на это у меня уйдёт времени, хоть целая жизнь.

Головная боль отступила.

Я подняла голову и увидела Измаила, протягивающего ко мне свои руки. Он помог мне встать и обнял с таким теплом и любовью, каких я никогда не испытывала.

Ах, какое это оказалось волшебное чувство.

Второй раз я испытала нечто новое и невероятно ценное для меня. Смех и отеческие объятия этого существа, корчащего из себя человека, казались мне волшебными.

Измаил взял меня за руку и повёл куда-то в темноту. Хотя тут повсюду темнота, только изредка появляется нечто, напоминающее свет, и то для того, чтобы меня затем напугать.

С Измаилом я чувствовала себя спокойно. Я больше не использовала свои маски, да тут они и не нужны. Да и не до них мне теперь.

Жизнь без контроля давалась мне нелегко. И вот я иду непонятно куда, непонятно с кем, и мне совершенно не страшно от того, что со мной в любую минуту может произойти что-то ужасное. Например, мной поужинает то чудище.

Измаил резко остановился с вопросом:

«Какое чудище?» — А ты разве не знаешь? — удивилась я.

— Самое страшное, самое мерзкое и коварное чудище, я еле спаслась от него бегством.

— Опиши его, — сказал Измаил.

— У него светящиеся страшные глаза, — буркнула я. Больше мне было нечего добавить. Я ведь его и не видела толком.

Измаил расхохотался. Он отпустил мою руку и очень долго смеялся, держась за свой живот. Картина та ещё: голова быка на теле человека, ржёт до одури.

«Интересно, а слёзы у него текут от смеха?» — размышляла я.

Измаил выкрикнул:

«Нет, не текут», — и тут же пришёл в себя.

Он взял меня за руку, мы развернулись и зашагали в противоположную сторону.

Мы вышли на свет, и снова этот роковой перекрёсток.

«Да ладно, опять», — подумала я.

И успокоилась, вспомнив, что выбор свой я уже сделала.

Об этом месте у меня сложилось ощущение многоуровневости. Будто до этого я была на этаже ниже: там полная темнота, подсвечивал всё вокруг только Измаил. И делал он это выборочно, мне показалось, силой мысли.

Перекрёсток и всё, что его окружает, не сильно отличается от привычного мне ландшафта дома. Только тут постоянные сумерки и нет живности, нет ветра и звуков.

Измаил вёл меня по знакомой дороге. Я сразу узнала её и больше не собиралась даже смотреть в этом направлении. А сейчас мы идём прямо чудищу в пасть, а мне совершенно не страшно. И тут до меня дошло: страха нет! Но как? Куда он делся? Ещё недавно был, а теперь нет.

Никаких огоньков! Но куда они делись? Ведь они принадлежали чудищу.

Измаил, довольный собой, вёл меня, бесстрашной походкой вперед.

Когда мы подошли в самый страшный уголок этого непо-

нятного места, я вдруг обнаружила, что там никого нет. Ни чудища, ни следов его пребывания.

Но не могло же мне померещиться?

Измаил больше не стал меня мучить и сказал:

«Да, действительно, кое-что ты видела, но это совсем не то, о чём ты подумала. Пойдём со мной», — сказал он и устремился вперед.

Я побежала следом.

Мы приближались к куче наваленных камней высотой с двухэтажный дом. Измаил исчез, подойдя к камням, я подбежала и увидела проход. Не мешкая, я пробралась в эту щель между камней и оказалась в каком-то зале круглой формы. Архитектура невероятно красивая, с непонятными символами на стенах. По периметру зала стояли величественные каменные статуи. На миг мне показалось, что одна из статуй мне подмигнула.

У меня перехватило дыхание от красоты, величия и ощущения, что я попала домой. Я не могла себе объяснить, что я чувствую.

Измаил всё это время стоял в сторонке, позволив мне в полной мере насладиться новыми ощущениями. Или давно забытыми старыми, почему-то подумалось мне.

Он тихонько подошёл, взял меня за руку и повёл сквозь стену: в буквальном смысле мы прошли сквозь стену и оказались в другом круглом зале.

Это был второй зал. По периметру, так же как и в пер-

вом зале, стояли большие каменные фигуры, на лицах которых были запечатлены разные эмоции. Я узнала злость, страх и любовь. Остальные фигуры были для меня непонятны. Также в зале находились фигуры собак, похожих на сторожевых псов. Псы стояли около статуи радости. Было ощущение, что они её оберегают.

Особо не задерживаясь, Измаил повёл меня в следующий зал.

Третий зал был совершенно пуст, по крайней мере, мне так показалось. Я остановилась.

Внутри меня зрело что-то, какое-то чувство. Я не шевелилась. И тут произошло необъяснимое: моё тело оторвалось от пола, и я полетела. Я летала — что за невероятное ощущение! Я лечу, не прикладывая никаких усилий. Я вернулась на то же место, с которого начался мой полёт, и тут же упала. Ноги перестали меня слушаться.

— Опять ты надо мной издеваешься, Измаил? Моё тело вообще мне принадлежит? — На что получила ответ:

— Пока нет. Но скоро будет. Нужно только немного потренироваться, и у тебя получится управлять своим телом и разумом.

Измаил помог мне встать, и мы проследовали в новый зал тем же путём.

Это был четвёртый зал. Он мне показался намного больше и выше, такой же круглой формы, только вместо фигур тут были живые люди. Тут были люди. Настоящие! На миг

я потеряла дар речи. Как же я обрадовалась встретить обычных людей в этом странном месте! Но не тут-то было: люди были совсем не обычными. Они не обращали на меня никакого внимания. Каждый человек был чем-то увлечён. Перед каждым из них был монитор и какие-то кнопки с рычагами. Никто не обратил на нас никакого внимания. Мы прошли мимо них и снова вошли в стену.

— Зачем мы тут? — наконец не вытерпела я.

— Скоро ты всё поймёшь, — сказал Измаил.

Пятый зал оказался самым обычным помещением круглой формы. В центре стоял стул, и больше тут не было ничего.

— Садись, — сказал Измаил.

Я подчинилась.

Как только я села, стул начал вращаться: сначала по часовой стрелке, затем против, образуя два вихря-спирали — это были нисходящие и восходящие потоки. Я стала растворяться в этих потоках, по крайней мере, мне так казалось. На самом деле я сидела на стуле с закрытыми глазами. Всё, что я видела, происходило у меня в голове.

Каждая частица, отделяясь от моего тела, стремилась в один из потоков. Моё тело окончательно рассыпалось на частицы, и поток начал менять форму и направление. Нисходящий и восходящий потоки объединились и превратились в шар. Один большой шар.

Всё замерло. Шар не шевелился. То есть всё остановилось,

или, можно сказать, стало на паузу, кроме Измаила. Он подошёл к шару и обхватил его руками. Нежно прикасаясь ладонями к поверхности шара, Измаил начал что-то произносить на арамейском языке. От его голоса исходила невероятная мощь. Шар задрожал, стал вырываться из рук. Когда Измаил отпустил шар, тот взлетел вверх и взорвался, не оставив за собой ни намёка на своё существование.

Я открыла глаза и вопросительно взглянула на Измаила.

Он не спешил с ответом, ходил вокруг меня, что-то бормоча себе под нос. Затем резко остановился передо мной и произнес:

«Прекрасно, просто прекрасно!» — Ты огромная молодец. Умудрилась всё сломать и всё починить одновременно. Никому ещё не удавалось так просто обвести вокруг пальца саму жизнь. Я и сам не знал, что такое возможно. «Восхитительно, просто восхитительно», — всё повторял и повторял он, увлекая меня в следующую стену.

— А дверей у вас нет? — пошутила я.

— А зачем тебе двери, если ты можешь ходить через стены? — в ответ спросил Измаил.

Ответить мне на это было нечего.

Шестой зал был просто величественным. Круговая стеклянная лестница. Три этажа по периметру с центральной аллеей, украшенной люстрой из камней и витиеватых узоров. Всё сверкало и переливалось. Материал люстры походил на лунный камень и обсидиан.

Я не могла оторвать взгляд от люстры. Рассматривая каждую деталь, я немного увлеклась.

Измаил снова схватил меня за руку и потащил по лестнице наверх, к самому своду. На последней ступени мы остановились и сели на неё.

Я взглянула вниз и обомлела. Как же тут красиво. Вроде ничего особенного, но было что-то неуловимое в самих формах, что создавало ощущение праздника, торжества, величия и красоты. Но эта красота была сдержанной, без излишеств, без пафоса. Простая величественная красота.

Измаил заговорил:

«В прошлом зале ты создала шар и тут же его уничтожила». Я возразила:

«Но это ведь ты его уничтожил».

— Нет, милая, это была ты в моём образе. Ты создала энергию, разделила её на два потока: нисходящий и восходящий — и затем соединила в шар. Это было гениальное решение — объединить оба потока в одно целое. Так ещё никто не делал. Но ты пошла дальше. Ты их не просто объединила, а взорвала, тем самым запечатав в структуре реальности два потока как одно целое.

Посмотри сейчас на люстру, которой ты любовалась снизу. Как она сейчас выглядит? Скажи. Только не торопись, смотри внимательно. Не торопись и расслабься.

Я напряглась, затем стала постепенно расслабляться и увидела. Я увидела, как из каждого каменного подвеса под-

нимается вверх струя, напоминающая воду. Эта струя состояла из мелких переливающихся частиц размером с песчинку. Песчинки, поднимаясь, закручивались по спирали, образуя некий танец. Они танцевали под ритм собственного мерцания. Зрелище завораживало. Я расслабилась настолько, что перестала чувствовать собственное тело. И тут же оказалась в центре этого танца. Я танцевала в едином ритме с песчинками. Я была одновременно в трёх состояниях: в собственном теле, сидя на лестнице, видела своё тело со стороны и танцевала в едином порыве. Всё это я ощущала одновременно.

Измаил слегка прикоснулся ко мне, и я вернулась в привычное состояние. —

Что это было? — спросила я.

— Ты пережила свой первый трансцендентный опыт, — с важностью произнёс Измаил!

Ничего не поняв, я просто развела руками, внутренне ощущая, что других объяснений я не получу.

Мы спустились по лестнице и снова прошли через стену.

Седьмой зал. Также круглой формы. Наверное, круглой — я была не уверена, так как не видно было его границ. Тут царил полумрак. Ощущение тяжести накатило на меня. Моё тело стало настолько тяжёлым, что я не могла сделать шаг. Плечи поползли вниз, спина согнулась, шея напряглась до предела.

— Расслабься! — выкрикнул Измаил и скрылся в полу-

мраке.

Расслабиться никак не получалось. Страшно было за свою шею. Мне казалось: если я сейчас отпущу контроль, то она сломается под всей этой тяжестью. Огромных усилий и внутренних уговоров мне стоило отпустить контроль над собственным телом. Сначала страх угрозы жизни вследствие сломанной шеи. Затем злость от неспособности контролировать своё тело. И в итоге — всё по классике: полная капитуляция от отсутствия сил.

Моя шея вместе с головой растянулась до стоп. Так отчётливо я ещё не видела свои пальцы ног. Шея повисла, но страха не было. Вообще не было какой-либо паники. Я просто наблюдала за тем, что происходит. Теперь мои плечи стали подтягиваться к полу, за ними последовал позвоночник. И вот я уже лежу, прибитая к полу. Ощущение, будто тело придавлено бетонной плитой.

Подошёл Измаил и с усмешкой заявил:

— Ты долго тут собираешься прохлаждаться?

Ответить ему я не могла. И он это прекрасно знал.

«Он просто издевается надо мной», — подумала я.

Измаил снова произнёс:

— Хватит прохлаждаться, нам пора дальше. — Ты можешь встать, просто не веришь. Думаешь, что тебя что-то давит к полу. И это так, пока ты в это веришь. В данном месте происходят игры разума и веры. Как только ты вошла в этот зал, тебе в голову подсадили ощущение тяжести, ум

подтянул факт тяжести и объяснил всё остальное. Он создал плиту, которая тебя давит.

А ты задай себе вопрос: эта плита действительно существует?

Я так и сделала. Мой ум лютовал и твердил, что факт налицо: я прилипла к полу, конечно, это плита меня давит.

Я снова и снова задавала один и тот же вопрос, пока ум не устал и я не почувствовала подвох. Еле уловимый, еле заметный. Я нащупала нить и ухватилась за неё. Тут ум понял, что прокололся, и начал подтягивать помощь. Он стал управлять моими органами. Охрипло горло, мне стало трудно дышать из-за появившегося внезапно давления на грудную клетку, я начала задыхаться.

Но было уже поздно, я крепко держала нить, и всё остальное не имело никакого значения.

Я вспомнила море, песок, лёгкий ветерок. Ощутила, как я лежу на этом тёплом песке под ласковыми солнечными лучами и наслаждаюсь простотой момента.

Я смогла открыть глаза и подняться, с моим телом всё было в порядке.

Измаил взял меня за руку, и мы побежали в следующий зал. На ходу он крикнул:

— Надо поторопиться, нас уже заждались.

И мы просто ворвались в следующий зал.

Восьмой зал. Зал как зал, нечего про него и сказать. Круглый, без особенностей зал.

Мы остановились на том же месте, куда вошли.

Измаил шёпотом произнёс:

«А теперь смотри, что будет. Стой на месте и не шевелись. Наберись терпения и расслабься. Позволь всему произойти без участия твоего ума. Твой ум после предыдущего поражения пока ещё приходит в себя и слишком занят анализом произошедшего, чтобы обратить сейчас на тебя внимание. И твоя задача — не дать ему повод почувствовать угрозу. Пусть он и дальше занимается собой».

Я стояла и слушала Измаила с каким-то фундаментальным спокойствием. Во мне нарастало чувство, что сейчас произойдёт что-то грандиозное, но при этом я была спокойна, ощущала внутри трепет и радость от происходящего, но пока не видимого для моих глаз.

И я увидела! Увидела, как человек бежит по траве и смеётся — это был молодой парень. Он бежит босыми ногами по мягкой молодой траве и напевает мелодию:

Как же можно жить без солнца,

Кто придумал эту веру,

Тот не может нас понять.

Мы же словно дети бога,

Мы пришли миры спасать,

К солнцу веру поднимать.

Солнце радость создаёт,

Мы пришли сюда от бога,

Мы пришли любовь познать.

Верим в солнце,
Верим в бога внутри нас.
Мы пришли во мраке ночи,
Мы пришли любовь познать.

Резко остановившись, парень исчез. Картинка сменилась, и я увидела девушку: она сидела на краю обрыва и смотрела куда-то вниз. Было настолько высоко, что облака оказались ниже девушки. Она сидела молча, но ей ничего и не надо было говорить. Я чувствовала её и всё, что она думает.

Девушка была очень одинока, она не знала, для чего живёт. Неумолимая тоска была её верной подругой. Сидя на самом краю, девушка пыталась уловить суть, пыталась понять, кто и для чего её создал такой неуклюжей, неуверенной, замкнутой, похожей на тень, а не на живого человека. Она так сильно старалась обдумать всю свою жизнь и не нашла ни одного хорошего воспоминания. Теперь она решилась на то, ради чего оказалась на краю обрыва.

Она закрыла глаза и подалась вперёд, расправила руки и собралась лететь, лететь как птица.

«Я была уверена, что девушка хочет покончить с собой, а она хочет лететь.

Что за бред?» — подумала я.

«Не делай поспешных умозаключений, а просто наблюдай», — прошептал Исмаил.

Девушка выдохнула весь воздух. Мне показалось, что она даже стала уменьшаться, лишаясь воздуха в лёгких. И де-

вушка исчезла, так же как парень до этого.

Теперь я смотрю на поле пшеницы, спелой, с полными колосьями зёрен. Колосья танцевали на ветру, создавая собственную мелодию.

Налетела стая птиц, огромная стая птиц. Они стали прижимать стебли к земле и поедать зёрна. Улетев, птицы не оставили ни одного зёрнышка, совершенно ничего. Они съели весь урожай.

Подъезжает старик на телеге, явно за своим урожаем. Подходит к полю и говорит:

«Вот воришки, как сажать, так я сам должен, а как собирать урожай, так вы тут как тут».

И, улыбнувшись, сел на телегу и укатил обратно.

Теперь я вообще не понимала, что происходит, но промолчала.

Смена кадра, и я вижу всех трёх героев вместе: парня, девушку и старика. Они сидят за столом в избе довольно скромного убранства.

Первым заговорил старик:

— Как вы провели день, дети мои? — спросил он.

Девушка, вздохнув, ответила:

— Я летала, но мне не понравилось. Было очень грустно от того, что это так просто. Без усилий, без напряжения. Как-то обыденно всё.

Старик улыбнулся в ответ:

— А ты, сын мой? Что ты делал?

— Я бегал по полю, как ребёнок. Веселился, сочинял песню-шпаргалку, искал смысл всего этого, но так и не понял, что так радуется детей. В чём тут веселье? Притвориться я смог, а вот по-настоящему повеселиться не смог. —

А что ты делал, отец? — спросила девушка.

— Я собрал свой урожай, — довольно ответил старик.

— Когда же ты успел? Там же целое поле, — спросил парень удивлённо. —

А-а, так мне помогли птицы. Я приехал, а они уже доедали последние зёрна, и в миг их след простыл.

— Тогда не ты собрал урожай, а тебя обокрали! — возмущённо воскликнула девушка.

— Нет, они мне помогли. На кой ляд мне столько зерна? Что я с ним буду делать? А так они понесут зёрна дальше, своим птенцам. Что-то выронят по дороге, что-то не переварится и выйдет из них. Ведь они обожрались так, что еле взлетели, — с хохотом продолжал старик свой рассказ.

Они разнесли мои зёрна намного эффективнее и быстрее, чем это сделал бы я. Так что я очень доволен сбором урожая.

— А ты, милая, просто не поняла суть полёта, — вдруг резко переключился старик на историю дочери. — Чего ты хотела на самом деле от полёта? — спросил он у дочери.

— Я хотела почувствовать себя важной, очень важной.

— Ну и как, почувствовала? — улыбаясь, спросил старик.

— Нет, — грустно ответила девушка. — Я не почувствовала ничего, кроме разочарования. Ничего особенного, в об-

щем, нет в способности летать.

Старик поднялся и пошёл на улицу, увлекая за собой дочь. И вот они уже стоят на крыше своей избы, и отец говорит:

«А теперь закрой глаза и почувствуй то, что чувствует птица. Ты должна стать птицей в своих ощущениях».

Девушка кивнула.

— Теперь ты птица, умеешь летать, но не умеешь ходить. Что ты чувствуешь теперь? — спросил отец.

— Мне страшно, мне очень страшно, летать — это единственное, что я умею. И только так я могу выжить. Отец, я больше не хочу летать, это очень страшно.

— Нет, милая, мы ещё не закончили. Теперь подойди к краю крыши и почувствуй, что ты человек, умеешь ходить и тебе подарили способность летать. Что ты теперь чувствуешь, милая?

— Я радуюсь, пап, мне радостно от того, что у меня есть такой дар.

— Так лети, милая, лети, потом расскажешь, как полетала. И старик вернулся за стол:

— Сын мой, скажи мне, какой был твой мотив, что ты хотел почувствовать на самом деле? В детской радости ли дело? Хорошенько подумай, не торопись.

Парень посидел нахмурившись, затем швырнул ложку в самый дальний угол избы и выкрикнул в сердцах:

«Да я вообще не знаю, что такое чувства! Я ничего не чувствую: ни радости, ни грусти. Я как машина, как механизм,

устройство без чувств!»

— Я понял, — сказал старик, поднимаясь из-за стола. Вернулся он уже с вымытой ложкой и новой тарелкой.

— Насыпь себе сюда каши, но не ешь её, а отодвинь чуть ближе к центру, но не далеко от себя, чтобы мог рукой дотянуться, не вставая с лавки.

Парень поставил тарелку с кашей и сказал:

— Отец, я сделал всё так, как ты сказал.

— В этом-то и кроется твоя проблема, сын мой. Ты сделал всё, как я тебе сказал, и не задал ни единого вопроса. Разве у тебя не возникло ощущения странности происходящего?

— Нет, отец, не возникло! Ты сказал, я сделал.

— А что тебя побудило бегать по полю босиком? — спросил отец.

— Так ты мне сам об этом сказал накануне: мол, надо бы научиться добывать себе еду самостоятельно, и давно уже пора стать человеком с простыми человеческими радостями.

— Так я имел в виду твои механические действия, — сказал отец. — Тебе нужно подключить свой аналитический ум. Пора начать действовать самостоятельно, без моих указаний. Чего ты избегаешь? Своего ума? Так он тебя не съест. Нужно просто научиться брать ум под контроль. Без ума ты не сможешь почувствовать жизнь в полной мере и ощутить все грани бытия.

Я тебе объясню на примере моих действий, для чего тебе нужен ум. Я принёс тебе чистую тарелку, а ложку подобрал

с пола. Ум бы в первую очередь провёл анализ ситуации, и у него возник бы вопрос. А зачем использовать чистую тарелку с грязной ложкой? И ум предложил бы тебе воспользоваться чистой ложкой.

Понимаешь, о чём я говорю, сын мой?

— Думаю, да, — ответил парень.

— Теперь второй пример, — продолжил отец. Я сказал тебе поставить тарелку с кашей так, чтобы ты, вставая с лавки, мог дотянуться до тарелки, и тут у тебя не возникло вопросов. А ум бы спросил: для чего всё это нужно? Для чего нужно сидеть, если можно привстать и взять тарелку? Он бы увидел нелогичность. А человеку очень важно замечать нелогичность в жизни. И получается, что ум не только помогает чувствовать, но и отслеживает нелогичность. Так что это очень важный механизм для человеческой жизни.

Беседу прервала девушка, вбежавшая в избу с горящими глазами и радостным лицом.

— Отец, отец, я видела небо, я видела море, я пролетала над лесами, полями, лугами, исследовала горы, ущелья. Я видела столько чудес. Отец, как же душевно я полетала. Это самое удивительное моё приключение.

Всё исчезло.

Я была впечатлена. Стояла и просто дышала, ощущая глубину и простоту происходящего момента.

Измаил дал мне время прийти в себя, за что я ему очень благодарна.

И мы прошли в следующее помещение.

Точнее сказать, это уже был не круглый зал, а анфилада.

На входе мы остановились, и Измаил произнёс:

— Дальше ты пойдёшь одна.

Предвосхитив мой вопрос, он продолжил:

— У меня нет доступа в эту часть твоего сознания. Эта часть доступна только тебе, и больше ни у кого нет доступа. Всё, что тут произойдёт, для меня будет тайной.

Я тебя подготовил. Ты сильно изменилась за время нашего пути, и теперь тебе по силам пройти эту часть.

Я буду ждать тебя с другой стороны, — сказал Измаил и скрылся.

Я сделала шаг, внутри что-то затрепетало. Меня охватило волнение. Второй шаг. Волнение усиливалось с каждым новым шагом.

Анфиладам не было ни конца, ни края — бесконечный повторяющийся ритм.

Я шла и шла и шла! Волнение давно исчезло, трепет ушёл. Внимание ослабло от повторяющейся картины бесконечно мелькающих анфилад. Ум потерял бдительность, как и я сама. И в этот самый момент произошла резкая смена декораций.

Я стою на краю обрыва, одна нога висит в воздухе, вторая ещё крепко опирается о землю. Я зависла в этом мгновении. Ни чувств, ни эмоций — я просто застряла в теле. Понимаю, что это снова загадка, но что самое странное, ум молчит. Ни

единой мысли. И тут до меня дошло: ум мне не враг, он пытается помогать мне в жизни. Я просто не умею им пользоваться.

Сейчас я не в состоянии оценить происходящее без ума. Я застряла в состоянии прострации, которое спутала с безразличием. Я застряла в собственных чувствах, и мне нужна помощь ума, чтобы выдернуть себя из этого состояния.

Я позвала ум, но он молчал. Тогда я попыталась сама думать — в ответ ни единой мысли.

Поочерёдно я мысленно проходила зал за залом и вспоминала, что там происходило. «Расслабиться, точно, мне нужно расслабиться», — подумала я.

Ум вернулся. Он просто перестал паниковать, выкрикивать и навязывать свои страшилки. У меня появилось ощущение, что я и ум стали друг другу ближе, притёрлись, так сказать.

Я расслабилась, отпустила контроль опорной ноги и доверилась происходящему. Но ничего не произошло. Я расстроилась, но сдаваться не собиралась.

Новое путешествие, теперь уже на перекрёсток; с этой точки я начала мысленное движение в поисках подсказки. Я дошла до огромной шкатулки и тут же вспомнила маленькую, от которой отказалась из рук Измаила. Что бы это всё значило? В этом что-то есть? Пока не понимаю, но чувствую: разгадка где-то здесь. И я начала размышлять.

Я попала внутрь большой шкатулки, затем Измаил хотел

мне доверить маленькую, которую я должна была сохранить ценой собственной жизни. Тогда я решила, что не готова какую-то там неизвестную мне шкатулку сохранять такой ценой, и вернула её Измаилу.

Я начала понимать, что произошло. Я была в той шкатулке, в той маленькой, один в один похожей на большую. И Измаил мне предложил сберечь эту шкатулку любой ценой, а я отказалась. Не зная, что внутри, я отказалась. —

Так я же не знала! — выкрикнула я в сердцах. — Это нечестно. Ты же мне не сказал, что внутри.

— А ты и не спрашивала, — услышала я ответ Измаила. — Тебе нужно было всего лишь спросить, и твоя жизнь была бы в твоих руках. Так просто и без всех преодолений, которые проходишь сейчас. Твой ум в самый важный для тебя момент молчал; как ты думаешь, почему? — спросил Измаил.

Ответа у меня не было. Досада затмила всё. Я злилась и негодовала. Я очень злилась на себя за глупость. Я злилась на ум за то, что в самый важный момент его не было.

Я была в ярости, лютой неуправляемой ярости.

И тут резкий удар в спину, и я лечу вниз с обрыва. Ярость усилилась. Какого чёрта это было? Кто меня толкнул? Я лютвала. Меня вообще не тревожило, что я сейчас разобьюсь. Ярость перекрыла все остальные чувства. Летела я долго, видимо, обрыв был многокилометровый, по ощущениям — пару часов лёту.

За время полёта моя ярость стихла и постепенно исчезла. Я замедлилась и плавно опустилась на землю, точнее на траву. Я ощутила каждую травинку стопой, каждый камешек — это причинило мне боль, и я застонала.

«Как же громко шелестит трава», — подумала, зажимая уши ладошками. Этот звук причинял мне боль.

Мои глаза... я не могу их разомкнуть, чтобы осмотреться. Они ослеплены светом. У меня болели стопы, уши и глаза.

Что происходит? Почему так больно? Я сотрясала воздух своей истерикой.

«Дыши», — шептала я себе, — «просто дыши и сконцентрируйся на дыхании, больше ни о чём не думай».

Я поняла: это ум. Мой ум мне не враг. Это было очень сильное откровение для меня. Я заплакала от накативших эмоций и любви к самой себе.

Я, озлобившись сама, озлобила ум, и в итоге ум делал то, что я транслировала ему. А потом сама же его обвиняла в том, что он что-то не так делал. Я же вечно критиковала себя, обзывала, ругала и никогда не хвалила. Я ни разу себя не похвалила, ни разу. Рыдания усилились. Слезы, сопли — всё перемешалось. Мокрая, уставшая, я стояла, топча ногами траву. Вокруг меня образовался круг вытоптанной травы. Обратив на это внимание, я поняла, что больше не чувствую боль. Глаза открыты, и я всё прекрасно вижу. Я стояла на лугу, вокруг, за лугом, начинался бесконечный лес.

Мне так захотелось лечь на траву, что я и поспешила это

сделать.

Лёжа на нежном зелёном одеяле, я ощущала спокойствие и радость. Я первый раз почувствовала ни с чем не сравнимую радость. Ощутила её каждой частичкой своего тела. И я заснула; в этом странном месте я уснула сладким, нежным сном младенца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.